

ДЕТЕКТИВЫ В ЮБКАХ



ОБЛОМ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

**МАРИНА
БЕЛОВА**

Детективы в юбках

Марина Белова

Облом в благородном семействе

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Белова М.

Облом в благородном семействе / М. Белова —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Детективы в юбках)

ISBN 978-0-89-000773-0

Телефонный звонок, слезы, страшные новости – все это было потом. А сначала – встреча со старой институтской подругой Ларисой и ее мужем Славой. Вечер омрачился ссорой супругов, но если бы Ирина знала, что последует утром... Утром Славу нашли на собственной кухне с ножом в груди. Несложно догадаться, кого полиция увезла с собой в качестве главного подозреваемого, – Лариса только успела попросить подругу забрать ее сына из летнего лагеря. Ирина поехала за город и с удивлением узнала, что Павлика забрал несуществующий «дедушка». Совсем недавно жизнь Ирины была так прекрасна, а теперь у нее две серьезнейшие проблемы: вычислить настоящего убийцу Славы и найти похищенного мальчика.

ISBN 978-0-89-000773-0

© Белова М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Марина Белова

Облом в благородном семействе

Глава 1

– Славик умер, – тихо прошептала Лариса в телефонную трубку.
– Ты глупо шутишь, – не зная, как отреагировать на подобное заявление, отозвалась я.
– Нет, он действительно мертв. Я не понимаю, как это произошло. Я не знаю, что мне делать. Что мне делать?! – словно в бреду повторяла Лариса.

В телефонной трубке послышалось тихое всхлипывание. Я молчала, с трудом переваривая новость.

«Спяну, что ли, мелет? С чего бы Славику умирать? – подумала я. – Вчера он был живой и здоровый. Не скажу, что он радовался жизни, но кого сейчас удивит отсутствием оптимизма?»

– Ира, помоги! Что мне делать?

Но это было потом, а сначала, как говорится, сначала был кофе, хороший, натуральный, горячий и ароматный. Дернул же меня черт пригласить Лариску в кафе! А затем принять ее приглашение – заскочить к ней, посмотреть на Славку, с которым мы пять лет проучились в одном институте и десять лет не виделись.

Ждали мы Славика с работы долго, коротая время за воспоминаниями и шампанским. Когда он наконец появился, бутылка шампанского была выпита, а Лариса осоловевшими глазами взирала на окружающий мир. Поговорить ей еще хотелось о многом, но какой же разговор, по ее мнению, если в бокале ничего не плещется? Как Славик ни упирался, а бежать за очередной бутылкой ему пришлось – жена на своем настояла. Он сбегал быстро, и мы опять вернулись к воспоминаниям о студенческих годах.

Вскоре Лариса сидела за столом и откровенно клевала носом, не обращая внимания ни на меня, ни на мужа. После затянувшейся паузы она очнулась, встала и поставила нас в известность:

– Все, ребята, с вами хорошо, но мне пора отходить ко сну. Баю-баюшки-баю, – заплетаясь языком протянула Лариска и вышла из-за стола. Ее качнуло, она схватилась за спинку стула и недовольно спросила: – Черт, что со мной? Это ты во всем виноват. Кто тебя, Слава, просил приносить красное шампанское, после того как мы с Иришкой опорожнили две бутылки белого... – она икнула и добавила: – На двоих. Не знаешь, что покупать? Кто же мешает белое с красным? Видишь, что со мной? Глаза иначе как на переносице взгляд не фок... фокусируют. О господи, я еще могу так умно выразиться. Фо-ку-си-руют, – по слогам выговорила Лариска и укоризненно посмотрела пьяными глазами на своего мужа.

Слава пожал плечами и промолчал.

– Кто? А? Кто просил тебя покупать красное шампанское? – не унималась Лариска, топнув ногой.

– Вас, девчонки, не поймешь! – попытался пошутить Славик. – То они истошно орут, что им мало, что они сто лет не виделись и за встречу грех не выпить, то вдруг заявляют, что я же их и спойл! Ведь вы одну бутылку еще до моего прихода приговорили.

– Две, – поправила мужа Лариса, – две бутылки. Одну мы с Иришкой в кафе раздавили. Потом я решила показать ей тебя, мое сокровище, – она повисла на плече у Славика и демонстративно облизнула ему щеку. – Ты ведь тоже с ней много лет не виделся? Кто виноват,

что ты так долго не приходил? Вот мы и развлекали себя, как могли. Вовремя нужно домой являться, дорогой. Где ты был? А?

– Ой, Лора, не устраивай показательных выступлений. Ты прекрасно знаешь, я был на работе.

– На какой работе? Как ее зовут?

– Лариса, прекрати!

– Какие мы обидчивые! Как я погляжу, ты просто горишь на этой своей работе! Вот только денег у нас как не было, так и нет. Ты там на общественных началах вкальваешь? Да? Ну как же, пердовик, – Лариса поперхнулась на слове, чертыхнулась и медленно повторила: – Передовик производства! За грамоты пашешь, а деньги, между прочим, никто не отменял. Хотелось бы и нам на них вблизи посмотреть, а то больше другие на них любят.

– Лариса, перед Ириной неудобно! Ну чего ты завелась? Что она про нас подумает? Все будет, подожди, – Слава укоризненно посмотрел на жену, потом перевел взгляд на меня. Лариска только надменно фыркнула, влила в себя из мужниного бокала остатки красного шампанского и вновь уселась за стол.

Я сидела молча, чувствуя за собой определенную вину: слухи о том, что Лариска часто прикладывает к бутылке, давно ходили в нашем окружении. Надо же мне было ее встретить? Но кто же знал, что так обернется?

Увидев на улице свою институтскую подругу, я так обрадовалась, что у меня напрочь вылетели из головы все рассказы об ее пьянстве, в их правдивости которых я сильно сомневалась, мало ли что могут наговорить, у нас народ такой, смешать с грязью – раз плюнуть.

Мы поболтали минут пять, пошел мелкий дождик, не стоять же нам на улице, тем более что погода совсем не располагала к беседе на свежем воздухе, вот я и предложила заскочить в кафе «Уютный уголок», попить кофе. Идея заказать шампанское возникла как-то сама собой. Конечно же, надо было ограничиться одной бутылкой и не тащиться с Лариской, но нам так не хотелось прощаться, а сидеть и ничего не заказывать было неловко. У меня, как на грех, в данный момент не было достаточной суммы для посещения ресторана. Денег у меня хватило ровно на два кофе и бутылку шампанского (при нынешних-то ценах), а у Лариски и того меньше в кошельке оказалось, но, несмотря на это, по дороге домой она все же купила еще одну бутылку.

Теперь я, конечно, вспомнила, что мне рассказывали о Ларискином пьянстве и несостоявшейся карьере Славика. Он хоть мужик и хороший, но в сегодняшней экономической политике совершенно не рубит, как работал десять лет назад в конструкторском бюро при заводе, так до сих пор и работает, правда, до начальника этого самого бюро все-таки дослужился. Хорошо, что еще завод на плаву держится, а так бы давным-давно разогнали бы КБ вместе с заводом. Хотя, может быть, для Славки это было бы и к лучшему, нашел бы себе работу престижную и денежную, не такой уж он и никчемный, как его характеризует Лариска.

Он, между прочим, институт окончил с красным дипломом, его на кафедре оставляли. И если бы не ушел, был бы сейчас доцентом или профессором, да только Лариска подбила его перейти на завод, на более высокую зарплату. Сначала Славик выиграл: профсоюз время от времени разные путевки подбрасывал, первые годы они и на Кавказ, и в Болгарию, считай, даром ездили, какой-то ширпотреб по бартеру перепадал, телевизор корейский по сей день смотрят.

Только все хорошее давным-давно кануло в Лету. Теперь у Славки, как у всех, вернее, большей части этих «всех», в кармане – вошь на аркане. А Лариска, глядя на более удачливых мужей своих подруг, злится и ест его поедом.

А чего злиться? Сама выбирала. Ну и выбрала умного, честного и порядочного. А оказалось, при нынешних обстоятельствах этого мало. Сейчас, если хочешь хорошо жить, про эти качества лучше на время забыть. А когда насобираешь на светлое будущее своих детей, можно

вспомнить и о совести. Это я не о себе. Славку я понимала: не мог он ничего с завода вынести, не потому что нести нечего, а потому что пресловутая порядочность мешала ему это сделать. Такой уж он человек, вроде ничего не надо: сыт, одет и слава богу. А Лариске этого было мало, она в налоговой инспекции работает и видит, какие люди туда заходят, да на чем приезжают, а в декларацию заглянешь, диву даешься, как с голоду не помер.

– Ларис, может, кофе выпьешь? – миролюбиво предложил Славка, видя, как жена словно кисель расплывается по столу.

– Нет, не буду, я пойду, – не согласилась Лариска, встала и шаткой походкой, не простившись со мной, побрела в спальню. Видно, последний бокал шампанского ей был уже совсем лишним.

– Нельзя ей пить, – сказал Слава, как только послышался грохот упавшего на кровать тела. – Хорошо, что сегодня обошлось без битья посуды. Наверное, тебя постеснялась.

– А что, и такое случается?

– Регулярно, как только выпьет, – хмыкнул Славка.

– Не давай пить!

– Как? Она что, дома пьет? Лорка – человек общительный, знакомых у нее куча, только общается она с ними по большому счету через бутылку. Менталитет такой у нашего народа, без рюмки вроде и поговорить не о чем. Традиция... Эх, переломал бы я эти традиции к чертовой бабушке.

– Ну, это ты зря, – попробовала я обидеться. – Я к спиртному равнодушна.

– Зачем же тогда ее в кафе пригласила? – резонно спросил Славик. – Хотя дело не в тебе, она привыкла по кабакам шастать. Где работает Лариса, помнишь? Почему говорят, налоговиков не любят? На мой взгляд, их просто обожают, жить без них не могут! Отблагодарить хотят – или подарки приносят, или в ресторан приглашают. А какие подарки у нас любят носить? Правильно, коньяк и шампанское. А уж если куда приглашают, так гуляют на всю катушку. Вот Лариска и привыкла к «сладкой жизни». Она иной раз приходит с работы и не ужинает – сыта, на жареную картошку смотреть не может, сосиски у нее тошноту вызывают. Спрашиваю, почему не ешь. А она отвечает: «Не хочется». Где уж после эскалопов сосиски жевать?

– Извини, я не знала.

– Да ты-то здесь при чем? И работа здесь ни при чем. Это я во всем виноват. Чего Лорка бесится? Насмотрится за день на «дольче виту», домой приходит, а тут я сижу, как тень социалистического прошлого со всеми его атрибутами. Машина у меня «Жигули», папаша пожаловал на окончание института. В то время как многие «Мерседесы» каждый год меняют, у меня денег нет, чтобы резину заменить. Квартира с мебелью от бабки в наследство досталась. Сама видишь, даже «стенка» с тех времен стоит. Хорошо хоть восемь лет назад я выиграл на заводе польскую кухню, а так бы на бабкиных табуретках сидели. Перечислять дальше? – Славик грустно рассмеялся.

Я хотела вставить, что многие так живут, но он понял, о чем я собираюсь сказать, и, не дожидаясь, когда я раскрою рот, продолжил:

– Нет, конечно, все не так плохо, на жизнь нам хватает, Лариске на тряпки тоже, сынишка на приставке играет, в секции разные ходит, а вот «Мерседес» я купить не могу, и шубу из норки тоже не могу. Я даже эту самую норку от кролика вряд ли отличу. Зато моя благоверная, которая по бедности ходит зимой в искусственной дубленке, вчера по телефону не советовала своей знакомой покупать шубу из песка, она, дескать, из личного опыта знает, как этот мех быстро стареет. Мне стало смешно, а потом – жалко Лариску и обидно за себя, вроде бы не дурак, а жить не умею.

– Слав, а может, тебе поменять работу?

– Не знаю, сделали мне недавно одно заманчивое предложение, – задумчиво протянул Славка, решая про себя, рассказывать мне или нет.

– А ты? – живо поинтересовалась я, подталкивая его к откровенности. – Ты это предложение принял?

– Нет, еще нет. Есть обстоятельства.

– Чего же ты ждешь? Удача – барышня капризная, может к другому переметнуться. Упускать ее нельзя.

– Я инженер и совершенно не понимаю, как люди делают деньги, ведь можно во что-то нехорошее вляпаться, – наклоняясь к моему уху, зашептал Славка, а потом отпрянул и громко возмутился: – Все чем-то торгуют, перепродают. Но так же нельзя, нужно кому-то и работать? Не могут все торговать! Кто-то должен и производить!

– Производят! Слава, производят. Кто мебель делает, кто столяркой занимается. Я могу тебе кучу примеров привести.

– А деньги? Где взять деньги на производство? В банке под бешеные проценты? Квартиру заложить, эту бабкину хрущевку малометражную? А если проект прогорит, где жить? К родителям проситься? Ты же в курсе отношений Ларисы с моей матерью. В Ираке обстановка поспокойнее будет, чем в нашей семье.

– Тебе какую работу предложили? – мне не хотелось переводить разговор на обсуждение семейного конфликта Гончаровых старших и младших, и я вновь спросила о предложенной ему работе.

– А так... пустое дело, не стоит твоего внимания, – Славик передумал со мной откровенничать и замолчал, но я не унималась и в благородном порыве пыталась направить его стопы к обеспеченному будущему.

– Хорошо, нет денег на производство, тогда можно строить, в этом случае база не нужна, тем более что сейчас строители в цене. Многие здания перепланируются, требуются инженеры, которые бы квалифицированно делали расчеты: какую стенку убрать, какую оставить, где колонну поставить, а где и так потолок не обвалится.

– А, ты говоришь об евроремонтах? – догадался Славик. – Краем уха слышал, сколько наш сосед заплатил за ремонт с перепланировкой. Ира, откуда у людей такие деньги?

Я не стала ему ничего отвечать. Славик – наивная душа, мыслит забытыми категориями. Откуда у людей деньги? Понятное дело – не из тумбочки. Сама верчусь как белка в колесе (это я, конечно, загнула), работаю в агентстве по продаже недвижимости и плюс еще сдаю в аренду квартиру, оставшуюся в наследство от бабушки, благо квартира на первом этаже и в центре города, идеальное место для офиса. В целом на жизнь мне хватает, тем паче, что живу я одна, с мужем давно развелась, а детьми так и не обзавелась.

– С каждым днем злости в Лорке все больше и больше, – Славик опять вернулся к теме семейной жизни. – Раньше хоть при сыне скандалов не заводила, а теперь и при нем... Сейчас Павлик в лагере, каждый вечер Лариска душу отводит, и пилит, и пилит. Сегодня она заметно перебрала, а то так скоро от меня бы не отцепилась. Много выпила?

– Слав, я не знаю ее нормы. В кафе бутылку выпили, и по дороге сюда она в ларьке купила. Зря ты, конечно, если у вас такие проблемы, еще за одной побежал.

– Ты думаешь, она бы от меня отстала? Нет, только хуже было бы, скандал бы устроила, а так выпила и спать завалилась. Не переживай, от одной невыпитой бутылки она трезвенницей не станет. Извини, что так получилось. Мне стыдно за нас, настроение тебе испортили.

– Да нет, это ты меня прости, я ведь не знала, что у вас в семье нелады, извини.

Я попросила у Славика прощения, хотя, если честно, мне о чужих проблемах и знать не хотелось – своих по горло. И потом, не люблю я, когда кто-то жалуется мне на свою долю горькую, – сама могу про свою жизнь рассказать, а там решайте, у кого она слаще.

Мне захотелось прервать беседу и проститься, потому что помочь Славке и Лариске, кроме как советом, я не могла. А советы, кто их слушает? Чтобы уйти, повод был – тупую глухую боль я уже давно ощущала в затылке.

– Слава, я пойду, у меня от шампанского голова разболелась. Да и поздно уже, тебе завтра на работу, отдыхай.

Слава при слове «работа» криво усмехнулся и предложил:

– Я провожу?

– Не стоит, у вас перед домом – стоянка такси, через пять минут буду у себя.

Он проводил меня до двери, я спустилась по ступенькам, вышла из подъезда и побрела в сторону остановки. Головная боль набирала силу и с каждой минутой становилась все нестерпимей. Если, сидя у Гончаровых, у меня болел лишь затылок, то теперь боль подобралась к вискам и полностью оккупировала всю мою черепную коробку.

И с чего у меня разболелась голова? Выпила я не так уж много, в основном шампанским наливалась Лариска. Может, шампанское было не лучшего качества? Точно, или Лариске, или Славке продали в ларьке левое шампанское, там часто бывают недоброкачественные продукты. Лично я всегда покупаю все только в магазине, хотя и в магазине можно приобрести нечто из стратегических запасов времен «холодной войны».

Мои часы показывали половину десятого, час пик давно прошел, и улица выглядела пустынно. Машины со светящимися «шашечками» на крыше вереницей стояли вдоль обочины, таксисты радовались любому пассажиру. Я подошла к первому в шеренге автомобилю, взялась за ручку и уже намеревалась ее открыть, чтобы шлепнуться на сиденье и назвать водителю свой адрес, как в последнюю секунду вспомнила – мой кошелек пуст.

Очевидно, от боли я окончательно отупела и забыла, что все деньги оставила в кафе. Теперь мне не то что на такси не хватит, но и на троллейбус не наскрести. Ничего, это даже к лучшему, может, на свежем воздухе головная боль сама утихнет, к тому же мой дом отсюда недалеко. Единственно, что в такой поздний час я не рискну добираться дворами, идти придется по освещенной улице.

Ночной город сверкал рекламами, заманивая живописными вывесками в рестораны и магазины праздношатавшуюся публику. От яркого и назойливого мигания у меня зарябило в глазах и затошнило. Напрасно я себя обнадеживала – свежий воздух не принес мне избавления от мигрени, пришлось по ходу зайти в круглосуточно работавшую аптеку.

– Я вас слушаю. Что желаете? – приветливо спросила у меня девушка в белом халате.

– Мне лекарство от головной боли. Только чтобы подействовало наверняка и сразу, – отрывисто сказала я и в подтверждение к сказанному коснулась рукой виска.

– Солпадеин, панадол, парацетамол, анальгин, аспирин-упса? Что предпочитаете?

– Упса не подойдет, – ужаснулась я, представив, как шипучая таблетка кипит в наполненном шампанским желудке, – хочу выпить таблетку сейчас же.

– Если вам так плохо, я могу дать стакан воды.

– Несите воду, – согласилась я с аптекаршей.

Девушка метнулась со спринтерской скоростью в лабораторию, где готовят микстуры, и через пять секунд протянула в окошко стакан воды и таблетки.

Я быстро распечатала упаковку, кинула таблетку в воду и, подождав немного, когда она растворится, выпила залпом всю жидкость. По всей вероятности, лекарство было хорошее, голова моя мигом просветлела, и до меня дошло, что я зашла в аптеку без копейки в кармане. Вот это да! Ситуация не из приятных. Попробуй теперь объясни, что ты не аферистка, промышляющая мелким воровством, а действительно забыла деньги дома.

Я полезла в сумку за кошельком в надежде, что там что-нибудь завалилось. Чуда не произошло, кошелек приветливо раскрыл свою пасть, обнажив красную шелковую подкладку, своей чистотой напомнившую мне беззубый рот младенца. Я в растерянности посмотрела на аптекаршу.

– Помогло? – участливо поинтересовалась девушка.

«Какая милая, само сострадание, – подумала я. – Интересно, как она изменится в лице, когда узнает, что у меня нет денег?»

– Да, спасибо. Таблетки мне больше не нужны. Вот, возьмите, пожалуйста, – и я протянула коробочку с аспирином обратно в окошко.

– Мы не принимаем лекарства назад, у нас такое не практикуется, – ужаснулась девица, заподозрив меня в обмане. – Заплатите, пожалуйста.

– Понимаете, у меня сейчас нет денег. Вот, посмотрите сами, – я показала в окошко пустой кошелек. – Я вам завтра деньги занесу, не беспокойтесь, и заберу всю упаковку, а пока возьмите назад аспирин, и мне, и вам так спокойнее будет.

– Женщина, вы с воем уме? Здесь аптека! – гордо возвестила она.

– Я понимаю, что не в «секонд хэнд» зашла, – хихикнула я от пришедшего мне в голову идиотского сравнения.

– Вы пьяны, – смекнула аптекарша и косо покосилась на меня.

Только этого мне не хватало, чтобы меня уличили в алкоголизме.

– Нет. Что вы! – искренне возмутилась я. – Я выпила только один бокал шампанского, и все деньги пришлось отдать официанту за бутылку, – ни с того ни с сего начала я перед ней оправдываться. – Вы ведь знаете, какие цены в ресторанах? Я с подругой туда заскочила выпить кофе и не рассчитала своих финансовых возможностей. А потом у меня заболела голова, и об отсутствии денег я вспомнила лишь тогда, когда выпила вашу таблетку. Кстати, очень хорошее лекарство, подействовало моментально. Всем буду его рекомендовать.

– И что прикажете мне с вами делать? Поштучно мы таблетки не продаем. Упаковку, пусть даже без одной таблетки, никто не купит, – в голосе девушки пропали сердитые нотки, и теперь она говорила со мной снисходительно.

– Я вам, честное слово, завтра принесу деньги. Ну, хотите, возьмите мое удостоверение.

– Не нужно мне ваше удостоверение, принесите деньги завтра до девяти часов. В девять мне сдавать сменщице кассу.

– Чтоб мне провалиться, если завтра до девяти я не буду у вас, – пообещала я и с просветленной головой выскочила на улицу.

Глава 2

К середине ночи действие таблетки закончилось, голова опять стала раскалываться от боли. Я проснулась, поворочалась в постели и пришла к выводу, что без очередной дозы аспирина мне не обойтись. Я поднялась и полезла в аптечку за лекарством. Растворимого аспирина в коробке не оказалось, пришлось глотать самый что ни на есть обычный.

Постепенно боль утихла, но заснуть мне так и не удалось, чувствовала я себя паршиво и даже догадывалась почему. К утру я злилась на всех и вся, но больше всего на Славку. И дернул же его черт притащить третью бутылку, мало того что она была уже лишняя, так еще и шампанское оказалось сладким и красным, а от красного вина у меня наутро всегда проблемы с головой.

Я встала, прошла на кухню, выпила стакан воды и почувствовала нестерпимое желание вернуться вновь под одеяло. Эх, если бы не пообещала возратить деньги в аптеку, ни за что бы сейчас не поднялась с родного дивана, а так надо одеваться и идти на улицу. Но до девяти часов еще целый час, до аптеки пять минут ходьбы, значит, есть еще время себя понежить. Я юркнула в постель и поглубже зарылась под одеяло, подольше оттягивая момент, когда все же придется покинуть уютное местечко.

Мне стало приятно тепло, веки мои начали слипаться, я сладко зевнула и задремала.

Резкий звук телефонного звонка заставил меня подпрыгнуть вместе с одеялом и заодно проснуться. Не открывая глаз, я вытащила руку и потянулась к трубке.

– Алло! – недовольно пробурчала я.

– Алло! Ира, это я, Лариса, – послышался в трубке хриплый Ларискин голос. – Ира, я не в состоянии говорить, я не знаю, что мне делать.

«Еще бы! Ты выпила вдвое больше меня, это тебе захотелось продолжения банкета, именно из-за тебя я испытываю сейчас нестерпимое желание уснуть и до завтрашнего дня не просыпаться – вот теперь и мучайся», – позлорадствовала я про себя, а вслух сказала:

– Лариса, я очень тебя понимаю, у меня у самой голова трещит по швам. Зря ты погнала Славу за третьей бутылкой, теперь обе страдаем. Но ты выпей аспирин, поможет.

Я дала Лариске совет и собралась уже положить трубку, чтобы подремать еще несколько минут, но не успела – следующее Ларискино заявление мигом вырвало меня из объятий Морфея.

– Я не о том, Славик умер, – тихо прошептала Лариса.

– Ты глупо шутишь.

– Нет. Он действительно мертв. Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, не знаю, – словно в бреду повторяла Лариска. – Что мне делать? Ира, помоги!

– Вызови «Скорую помощь», может, у него сердечный приступ или он в глубоком обмороке, – порекомендовала я, не веря до конца в Ларискины слова.

– Нет, его зарезали. Вся кухня в крови, а он лежит головой на столе, такой бледный, холодный. И нож из груди торчит.

– Ты продолжаешь шутить? – в надежде на утвердительный ответ спросила я. Лариска молчала. По тихому всхлипыванию я догадалась, что она плачет. Значит, не шутит. – Вызывай полицию и ничего на кухне не трогай. Я к тебе сейчас приеду.

– Ира, у тебя ведь брат в полиции служит?

– Да, в городском управлении.

– Может, он мне подскажет, как мне быть?

– Я с ним обязательно свяжусь, а сейчас звони в полицию. Жди, я еду.

Я спешно стала собираться: влезла в джинсы и в первый попавшийся под руку свитер, наскоро размешала в теплой воде растворимый кофе и влила в себя эту бурду. Расчесывалась я, уже спускаясь по лестнице, благо, у меня короткие волосы.

По проспекту сновали тысячи автомобилей, но ни один из них не хотел останавливаться, чтобы меня подвезти, – всем было некогда. А такси, которых в любой момент превеликое множество, как назло, все куда-то подевались. Я стояла, вытянув руку, минут пять и уже начинала нервничать. Но тут рядом со мной остановился частник. Я назвала адрес. Водитель кивнул и открыл мне дверь.

Только сидя в салоне потрепанных «Жигулей» я посмотрела в зеркало на свою помятую физиономию (немудрено, что меня не хотели подвозить) и вспомнила, что опять не взяла с собой денег.

– Разворачивайтесь обратно, – скомандовала я водителю.

– Дороги не будет.

– Не будет, – согласилась я. – Только вернуться все равно придется, я деньги забыла.

При слове «деньги» частник развернулся, нарушая все правила, и погнал в обратном направлении.

«Дороги не будет! Какая уж тут дорога! Ничего приятного мне не светит, – про себя бурчала я. Мысли крутились исключительно вокруг утреннего звонка. – Что же все-таки случилось? Я оставила Славку живым и здоровым, он вроде никого не ждал, в десять вечера мало кто в гости захаживает. Лариска отправилась спать еще раньше. Странно все. Убит в собственной кухне, ножом в грудь. А если его Лариска пришила? Нет, не могла она! С чего бы ей тогда мне звонить, спрашивать, что делать? Когда убивают, то или каются, или тихо без свидетелей от трупа избавляются. А еще нужен повод, одно дело постоянно попрекать мужа безденежьем, другое – его убить.

А вдруг повод был? Жили они в последнее время скверно. Вчера Лариска изрядно выпила, ночью проснулась и пошла разбираться со Славиком. Мало ли что в ее пьяную голову взбрело? Сама слышала, как она спрашивала, почему он так долго на работе задерживается. Ревность? Может, у Славки был кто-то на стороне, или ей на фоне алкоголизма чудилось, будто муж ей изменяет?

Да и Славка рассказывал, что она в последнее время к нему по любому поводу цеплялась. Вполне возможно, поскандалили, побросали друг в друга тем, что под руку попало. Лариска могла в него нож метнуть и случайно попасть, он отключился, а эта дура, вместо того чтобы «Скорую» вызвать, спать пошла, а теперь, когда протрезвела, ничего не помнит».

Перед Ларискиным подъездом стоял полицейский «бобик», значит, она вызвала полицию и менты успели уже приехать. Оперативно. Не прошло и получаса, как мы с ней поговорили по телефону, а они уже здесь. Я поднялась на третий этаж и позвонила в дверь.

– Вы кто? – на пороге стоял полицейский в чине старшего лейтенанта.

– Я подруга Ларисы, хозяйки квартиры. Могу я с ней поговорить?

– Имя, фамилия, отчество.

– Чье? Ларисино?

– Ваше.

– Ирина Викторовна Глебова.

– Документы есть?

– Пожалуйста, – я протянула свой паспорт. – Я могу пройти?

– Стойте, – лейтенант тщательно изучил мои документы, достал из кармана блокнот, что-то черкнул на последней странице и вернул мне паспорт.

– Я могу увидеть Ларису?

– Нет, не можете. Она сейчас занята.

– А когда я с ней смогу поговорить?

– Не знаю. Женщина, идите, не мешайте работать. Мы вас вызовем. У вашей подруги большие неприятности.

Я приподнялась на цыпочки и попыталась заглянуть в квартиру через плечо лейтенанта. Он просек мой маневр и нагло захлопнул дверь перед моим носом. Мне ничего не оставалось делать, как уйти.

Ну и ладно, не будут же они, менты, сидеть у Лариски до ночи? Подожду, когда они уйдут, и поднимусь к ней.

Я уселась на лавочку подле детской песочницы и приготовилась ждать.

Ждать пришлось долго. Через два часа к дому подъехала машина, фургон, из нее вышли двое крепких мужчин и вошли в Ларискин подъезд. Через некоторое время они спустились, неся на носилках черный продолговатый пакет, внутри которого лежало мертвое тело.

«Славик», – подумала я и испугалась, только теперь до меня полностью дошло, что случилось непоправимое.

Тело погрузили в фургон, машина затарахтела, пару раз фыркнула и тут же уехала. Еще через полчаса из подъезда вышла целая процессия: старший лейтенант, тот, который открывал мне дверь, двое мужчин в штатском и Лариса. Она шла, удрученно опустив голову. В руке она держала яркий пакет с эмблемой местного универмага с нехитрыми пожитками, которые обычно разрешают проносить в камеру.

– Лариса, ты куда? – Я подскочила с лавочки и устремилась к ней.

– Меня увозят, – быстро и отрывисто заговорила Лариса, как будто боялась, что ей заткнут рот и она не успеет сказать мне нечто важное. – Забери Павлика из лагеря. У него смена десятого заканчивается. Лагерь называется «Соколенок», Дмитриевский лес, поселок Новомихайловка. Обещай! Я не убивала Славика! Я не... – Ларисе закончить не дали, запихнули на заднее сиденье «бобика», а меня сморили таким уничтожающим взглядом, что я еще долго стояла и смотрела вслед удалявшейся машине, не в силах понять, откуда такая ненависть по отношению ко мне. Я-то здесь при чем?

Ноги мне отказали, и я вновь рухнула на лавку. Расстроенная произошедшим, я все сидела и сидела, пытаюсь осмыслить ситуацию, в которую попала Лариса, а вместе с ней и я.

Раз Лариску увезли, значит, менты подозревают ее в убийстве Славика. И что же мне теперь делать? Ехать за Павликом, Ларискиным сыном, в лагерь? А что я ему скажу? Почему именно я приехала за ним? Разве можно сказать десятилетнему ребенку, что его родная мать убила его отца? А вдруг убийца не она, ведь этого пока никто не доказал, а я наговорю ребенку черт знает что? Вот задача!

Но до десятого числа время еще было, к тому времени все могло измениться и Лариску могли выпустить. Как-то не верила я в ее причастность к убийству.

«Стоп! – в моей голове что-то щелкнуло. – У Славика, насколько я в курсе, родители живы. Вот горе какое – потерять единственного сына. Теперь у них только Павлик остался. Отец у Славика уже совсем старенький, он у нас в институте преподавал, профессор, а мать значительно моложе отца, тоже в институте работала, в отделе кадров. Ей сейчас не больше шестидесяти лет, вполне может забрать внука к себе. Почему Лариса поручила мальчика мне, а не ей? Впрочем, знаю почему».

Славик с Лариской встречаться начали на третьем курсе. Он-то в нее с первого курса влюблен был, хвостом за ней ходил, а она – нет, выбирала, потом все-таки ему отдала предпочтение. Наверное, поэтому Раиса Карповна, мать Славика, на дух не переносила Лариску, противилась браку сына. Все ей не нравилось в будущей невестке: и то, что она родом из убогого поселка, и то, что ее мать простая рабочая, и то, что без отца выросла. Короче, неровня ее сыночку. Только когда ее поставили перед фактом – Лариска беременна, – Раиса Карповна махнула рукой и в сердцах сказала: «Делайте, что хотите!» – и больше преград женитьбе сына не чинила.

Павел Иванович соблюдал по отношению к невестке нейтралитет: никогда не обижал, но и не защищал. Когда родился Павлик, дед внуку обрадовался и по мере возможности баловал. Раиса Карповна, напротив, к новорожденному отнесла с прохладцей, простить не могла, что Лариска своим пузом ее Славика из родительского дома увела, и никогда не упускала случая лишний раз попрекнуть невестку «до срока» родившимся ребенком.

Как-то теперь Раиса Карповна будет относиться к Павлику? Он ведь – единственный внук, единственный сын ее единственного сына. Правильнее родителям Славика забрать мальчика из лагеря. А что я с пацаном делать буду? Почему Лариска меня обязала забрать Павлика из лагеря? Помнится, у нее еще имеется мать и тетка родная, могла и им своего сына поручить. Интересно получается, у ребенка полно живых родственников, а навязали его мне.

«Может быть, я зря колочусь? Подождем несколько дней, похоронят Славика, а там и Раиса Карповна вспомнит о внуке, или другая бабка объявится, или Лариску выпустят. Нет, это маловероятно, при подозрении в убийстве так рано не отпускают. Если это не Лариска Славика убила, то ментам, прежде чем ее на свободу выпустить, настоящего убийцу найти нужно. А если это она мужа прикончила, что не исключено, то я затрудняюсь сказать, сколько времени ей придется провести за решеткой». – Ничего умного мне в голову не приходило, я никак не могла для себя решить, что мне делать, и делать ли что-нибудь вообще.

Сидеть на лавке в чужом дворе никакого смысла не имело, я поднялась и поплелась в сторону своего дома. Идти на работу я была не в состоянии – после бессонной ночи и сегодняшних событий, я чувствовала себя совершенно потерянной. Ничего с этой работой не случится, скажу, что заболела, тем более что у нас сейчас полное затишье: никто ни продавать, ни покупать жильё летом отчего-то не торопится. В июле и августе мой начальник с радостью отпускает сотрудников в отпуск, а если кто-то после положенного отпуска просит еще отпуск за свой счет, он рад до беспамятства, в этом случае ему приходится меньше работнику платить, что для фирмы какая-никакая, а экономия.

По пути я зашла в аптеку. Вчерашнюю девушку сменила пожилая женщина.

– Я вчера в вашей аптеке отложила аспирин-упса. Вот деньги, дайте мне, пожалуйста, мою упаковку и передайте своей сменщице, что я расплатилась.

Женщина с интересом на меня посмотрела. Не издав ни звука, она приняла от меня деньги и протянула ту самую начатую упаковку аспирина. Думаю, аптекаршу проинформировала напарница, как вчера одна ненормальная особа лечилась здесь от головной боли.

– Спасибо, – сказала я и выскользнула из аптеки. – Хорошо, что обошлось без упреков.

Глава 3

Дома я сварила себе крепкого кофе, села за кухонный стол, подперла ладонью щеку и задумалась: «Хочется мне или не хочется, а Борьке звонить, видно, придется. Что делать с Лариской и ее сыном – ума не приложу. Может быть, я даже не имею права забирать мальчика? Как бы мне хотелось, чтобы это было именно так. Нутром чувствую, Ларискина просьба забрать Павлика на время к себе мне выйдет боком. – Я тяжело вздохнула, вспомнив о брате. – Борис у нас самый умный, всех учит и поучает, вот пусть и посоветует что-нибудь дельное. В конце концов, это даже по его профилю. Не зря же он выбрал профессию полицейского».

Мой братец младше меня на два года, но отчего-то всегда считалось, что именно он старший, наверное, оттого, что он с детства нудный и рассудительный. Сколько себя помню, его всегда ставили мне в пример. «Посмотри, Ирочка, какой Боря аккуратный», – вечно говорила мне мама, когда мы возвращались с прогулки. А что здесь удивительного, если мальчик в белой рубашке выходил во двор, садился на корточки рядом с песочницей и вытянутыми ручками, держа двумя пальчиками совочек и формочку, боясь запачкаться, делал куличики, и так два отведенных на прогулку часа. Я за это время успевала с подругами обежать все соседние дворы, обмазаться мелом с головы до пят, играя в «классы», облазить все деревья, потерять при этом на ветках свои ленты из косичек, а он возвращался домой, не испортив пробора на прилизанных рыжих волосах.

Но тогда он хоть меня не доставал, зато в школьные годы мне от него житья не было. Иной раз мне хотелось придушить его, спящего, подушкой. Он постоянно сдавал меня родителям, докладывал все: и то, что вместо занятий музыкой перед телевизором торчала, и то, что первые уроки прогуливала, и то, что подружки ко мне приходили – уроки ему, видите ли, учить мешали. Ко всему прочему он был еще круглым отличником с первого по десятый класс.

Дальше было еще хуже, когда подросток стал мне советовать, с кем дружить, а с кем нет. Мои друзья по большей части ему не нравились. Даже не буду перечислять, что конкретно было ему не по душе. Родители всегда с ним полностью соглашались.

«Слушайся Бореньку, слушайся Бореньку, он у нас – светлая голова. Все, что он делает, правильно, ты должна к нему прислушиваться, он плохого не посоветует», – твердила мама после очередного Борькиного доклада на тему нравственности и морали в юном возрасте.

Может быть, поэтому я так рано, будучи еще студенткой, выскочила замуж, чтобы от его всевидящего ока избавиться. Правда, так же быстро развелась, к всеобщей радости родственников, потому как родителям, а в особенности Борьке, мой избранник не нравился. Единственной выгодой от раннего замужества стала однокомнатная квартира, доставшаяся мне после развода с мужем. Так что мне не пришлось возвращаться в родительский дом под неусыпный контроль со стороны братца.

После распределения я промаялась несколько лет в проектном институте и при первом сокращении удрала на «вольные хлеба», чем дала повод к очередному Борькиному выступлению в мой адрес.

По его мнению, только в государственной системе можно трудиться честно, а разные там МП – это не более чем лазейки для воровства. А уж об обществах с ограниченной ответственностью и говорить не стоит, только вдумайтесь: «с ограниченной ответственностью». Это что же значит, люди вообще не должны нести ответственность за содеянное?

Надо сказать, мой братец оправдал ожидания своих родителей в полной мере: после школы он поступил в школу милиции, а затем окончил юрфак. Теперь этот аккуратист и моралист работает в городском управлении полиции, что, наверное, и правильно, если вспомнить «крылатую» фразу Дзержинского о чистых руках и горячем сердце, нетерпимом ко всякого рода правонарушениям.

Грешным делом я думала, что он весь целиком окунется в сыскную работу и забудет о моем непутевом существовании. Не тут-то было! Не так давно я привела на смотрины в родительский дом своего воздыхателя или поклонника, как хотите его назовите, это не столь важно, положительного и состоятельного, и к тому же страшно желавшего узаконить наши взаимоотношения и соединиться со мной узами брака. Родители мои были бы безмерно счастливы увидеть меня вновь замужем и ничего не имели против моего выбора, но их чаяния не сбылись. В самый неподходящий момент появился мой братец, он как бы случайно забрел на огонек и уселся вместе с родственниками за стол. Сидел молча он недолго, а затем вроде невзначай спросил у жениха, честно ли он платит налоги, не было ли у него судимостей, а также какой у него по счету будет брак, потому что по возрасту он мог бы иметь уже не только детей, но и внуков. Жениха моего после этого вечера как ветром сдуло, я же потом даже не пыталась выяснить, почему передумали на мне жениться.

– Боря, мне нужно с тобой посоветоваться, – после долгих сомнений, звонить или не звонить, начала я.

– У меня дел по горло, говори быстрее.

Еще бы! Это я одна такая бездельница! А он без усталости днем и ночью искореняет преступность ради светлого будущего нового поколения. Мне даже обидно стало за себя, оттого что я несопричастна к такому благому делу, как ловля тех, «кто честно жить не хочет».

– Боря, ты помнишь мою институтскую подругу Лариску Симакову? Она вышла замуж за Славика Гончарова. Ну, напрягись, они к нам еще в гости заходили и на свадьбе у меня были.

– А чего мне напрягаться! Она, что ли, мужа своего убила? Я всегда говорил, твои друзья далеки от нравственного идеала.

Началось. Он даже говорить по-человечески не умеет! «Далеки от нравственного идеала!» Это же надо так загнать! Сказал бы проще: «Твоя алкашка мужа прикончила», как принято у нормальных людей, не так было бы тошно. Я бы тогда ему в ответ тоже какую-нибудь пакость бросила, он бы высказался на мой счет, мы бы поругались и остались каждый при своем мнении. А тут и возмутиться не на что – литературно и бесстрастно. Обидно!

– Боря, сейчас не о том! Какие они ни есть, они мои друзья.

– А я о том! Ты никогда не умела выбирать друзей. Я, поверь, совсем не удивился твоему звонку, протокол с места происшествия как раз перед моими глазами. Читаю: «Со слов вдовы потерпевшего: «Накануне я общалась со своей институтской подругой Ириной Глебовой, мы посидели, выпили...» Этого мне только не хватало! Стыд-то какой! Хорошо, что ты после развода не вернула свою девичью фамилию. Хотя и так мое имя полоскать будут – вскоре все узнают, что ты моя сестра.

– Извини, если я своим родством подпортила тебе репутацию. Только я не понимаю, что тебе, собственно, не нравится? Что мы встретились с Лариской, посидели, выпили? Разве среди обыкновенных людей подобное не в норме? Это патология? – закусив удила, ринулась я в атаку. – Откуда я знаю, что произошло в доме Гончаровых после того, как я ушла? Или ты подозреваешь, что это я на тот свет Славку отправила? – Борька молчал. – Поскольку я тебя, братец, очень хорошо знаю, не сомневаюсь, даже если тебе не удастся доказать мою причастность к убийству, ты приложишь все усилия, чтобы меня взяли под стражу и в целях профилактики годик-другой в тюрьме подержали!

Борис пропустил мимо ушей мою тираду и сухо поинтересовался:

– Кстати, у тебя алиби есть?

«Мент есть мент! Одно на уме – алиби, улики, мотив и преступление. Борьке все равно, кто перед ним, посторонний человек или сестра родная. Родителям следовало бы назвать его Павликом, был бы тогда тезкой пионеру-герою Павлику Морозову, заложившему родного отца», – подумала я и гордо заявила:

– Да. Можешь не беспокоиться, свою физиономию я засветила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.